

НОВЫЙ
РОМАН
ЧИНГИЗА
АБДУЛЛАЕВА

*Мальчик дрожал
всем телом, защищая
своего отца от
страшного врага.
И впервые в жизни
профессиональный
ликвидатор не знал,
как ему поступить.
Выстрелить он не мог.*

Чингиз Абдуллаев

Восточный
ветер

Тимур Караев

Чингиз Абдуллаев

Восточный ветер

«PEN-клуб»

2007

Абдуллаев Ч. А.

Восточный ветер / Ч. А. Абдуллаев — «PEN-клуб»,
2007 — (Тимур Караев)

Предателей не прощают. Это девиз тайной организации «Щит и меч», состоящей из высших офицеров российских спецслужб. Бывший полковник ФСБ Тимур Караев получает задание – ликвидировать предателя-перебежчика, скрывающегося в Италии. Операция вроде складывается удачно: вот он – Иуда, сидит за одним столом с Караевым. Но полковник медлит с возмездием. И на то у него есть веские причины. Но все же – предателей: не прощают. Этот постулат не подлежит обсуждению, полковник...

Содержание

МОСКВА. РОССИЯ. 16 ИЮНЯ 2006 ГОДА	5
ЛИОН. ФРАНЦИЯ. 16 ИЮНЯ 2006 ГОДА	7
МОСКВА. РОССИЯ. 16 ИЮНЯ 2006 ГОДА	9
ЛИОН. ФРАНЦИЯ. 16 ИЮНЯ 2006 ГОДА	12
МОСКВА. РОССИЯ. 16 ИЮНЯ 2006 ГОДА	14
ЛИОН. ФРАНЦИЯ. 17 ИЮНЯ 2006 ГОДА	19
МОСКВА. РОССИЯ. 17 ИЮНЯ 2006 ГОДА	21
МОСКВА. РОССИЯ. 17 ИЮНЯ 2006 ГОДА	25
МОСКВА. РОССИЯ. 18 ИЮНЯ 2006 ГОДА	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Чингиз Абдуллаев Восточный ветер

«Сказано, что мы обязаны прощать своих врагов, но нигде не сказано, что мы обязаны прощать своих бывших друзей».

Козимо Медичи

«Если войной можно уничтожить войну, то позволительна даже война. Если убийством можно уничтожить убийство, то разрешено даже убийство».

Уильям Чэннинг

«Самый быстрый способ закончить войну – это потерпеть поражение».

Джордж Оруэлл

МОСКВА. РОССИЯ. 16 ИЮНЯ 2006 ГОДА

Он сидел в зале суда, наблюдая за подсудимым. Тот старался держаться из последних сил, пытаясь не выдавать своего волнения. Иногда он проводил рукой по лицу, словно отгоняя наваждение, будто не веря в то, что происходило с ним в эти дни, в этом зале. Подсудимый был уже не молод, под шестьдесят, но он выглядел довольно неплохо для своего возраста. Несколько лет назад он даже сделал круговую подтяжку лица, убрал морщины. Он занимался теннисом и играл в гольф, вел здоровый образ жизни, раз в неделю голодал, пил натуральные соки. Одним словом, он следил за своим здоровьем, надеясь прожить как можно дольше.

Подсудимый, Петр Данилович Карташов, работал сотрудником внешнеторговой фирмы, занимавшейся поставками оружия за рубеж, и был полковником Главного Разведывательного Управления. Последние десять лет он работал на немецкую военную разведку – регулярно передавал ей секретную информацию о своих коллегах и качественных параметрах поставляемого в разные страны российского оружия. Соответствующие «гонорары» за предательство, переводились на его счета в Австрии и Швейцарии. Это позволяло ему вести роскошный образ жизни, приобрести небольшую квартиру в Ницце, ездить отдыхать на модные курорты. Его непомерные траты привлекли внимание сначала налоговых инспекторов, а затем и военной контрразведки.

Карташова арестовали полтора года назад. Он сразу во всем сознался и стал активно помогать следствию. Теперь, находясь на скамье подсудимых, не потерявший прежней респектабельности, холеный и хорошо выбритый, бывший полковник иногда бросал растерянные взгляды в зал, словно пытаясь понять, как могла произойти с ним подобная метаморфоза. В зале находилась его молодая жена. Она сидела в четвертом ряду и вымученно улыбалась мужу, когда их взгляды встречались. Ее беспокоило то, что все возможные счета Карташова были уже известны сотрудникам военной прокуратуры. А оставшиеся счета, которые наверняка были в памяти самого Петра Даниловича, никто, в том числе и она, не могли узнать. И это беспокоило ее более других обстоятельств. В конце концов, ее муж мог получить достаточно длительный тюремный срок, а ей только тридцать лет. И ждать мужа в течение долгого времени, оставаясь без достойных средств к существованию, ей вовсе не хотелось.

И хотя роскошная шестикомнатная квартира на Пречистенке была записана на ее имя, а дачу и две машины он подарил ей еще в прошлом году, тем не менее это были всего лишь средства для того, чтобы не умереть с голоду. Для «достойного» существования подобных средств

было очень мало, даже если ей удастся сдавать и квартиру, и дачу. Нет, ее явно не устраивала ее дальнейшая жизнь без его зарубежных счетов.

Другой человек сидел в пятом ряду и внимательно наблюдал и за Карташовым, и за его супругой. Когда судьи наконец появились, выходя из совещательной комнаты, последовало традиционное «Суд идет» и просьба подняться. Все встали. Судьи прошли на свои места и начали зачитывать приговор. Сидевший в пятом ряду бывший полковник ФСБ Тимур Караев слушал его почти так же бесстрастно, как и военный прокурор, поддерживающий обвинение. Перечислив все пункты обвинения, судья наконец зачитал приговор. Четырнадцать лет лишения свободы. И на лице подсудимого впервые мелькнуло выражение страха. Панического страха. Он вдруг ясно осознал, что никогда не выйдет из колонии. К тому времени ему будет уже семьдесят три года и он будет никому не нужной развалиной. Карташов повернулся в сторону супруги и что-то пробормотал.

– Карташов, – бросилась к нему супруга, словно собираясь вытащить его из клетки, в которой он находился. Но приговор был уже оглашен. Конвоиры уже готовились выводить его из клетки.

Муж в ответ лишь махнул рукой, словно отгоняя ее и свою прежнюю жизнь.

Караев внимательно следил за поведением подсудимого и его супруги. Разница в возрасте между супругами была почти в тридцать лет. Он с грустью подумал, что подобные испытания супружеские пары редко выдерживают. А когда разница в возрасте столь велика, требовать от молодой женщины самоотречения почти невозможно. К тому же она была его третьей женой, а он был ее вторым мужем. И хотя этот факт, сам по себе ничего не говорил, но он становился особенно показательным на фоне прежней жизни молодой супруги Петра Карташова, у которой было два супруга и один сожитель, убитый во время криминальных разборок в бурные девяностые.

Когда Карташова наконец вывели из зала суда, супруга достала носовой платочек и вытерла слезы. Она была явно расстроена, и не столько оглашенным приговором, сколько своим положением. Быстро выйдя из помещения, она направилась по коридору к выходу, доставая на ходу из своей сумочки мобильный телефон. Караев старался не отставать.

– Алло, Сережа, это я, – торопливо произнесла женщина, – можешь себе представить. Ему дали четырнадцать лет. Да, четырнадцать. Я даже не представляю, что теперь буду делать. Нет, он так мне больше ничего и не сказал. Понятия не имею. Нет, я не знаю. Конечно, я еще раз с ним встречусь. Да, я все поняла. До свидания.

Караев усмехнулся. Супруга Карташова положила телефон в сумочку и нервно оглянулась. Увидев Караева, который шел следом за ней, она нахмурилась, но ничего не сказала и бросилась к лестнице. Караев ее не преследовал. Он услышал все, что ему было нужно. И теперь мог вернуться и доложить о своих наблюдениях.

ЛИОН. ФРАНЦИЯ. 16 ИЮНЯ 2006 ГОДА

Это здание находилось ближе к музею ковров, рядом с площадью Белькур, в исторической части Старого города. Плозаль считалась своеобразным центром Лиона. Здесь находился туристический офис. Чуть в стороне виднелась синагога. Высокий мужчина сидел на скамейке уже второй час, неторопливо читая газету. Иногда моросил дождь, незнакомец был в шляпе и светлом плаще. Он почти не смотрел в сторону здания, словно его не интересовали люди, выходявшие из этого дома. На самом деле он находился на этой площадке именно для того, чтобы увидеть нужного ему человека, который должен был появиться из этого старого дома. На часах было около десяти, и сидевший на скамейке незнакомец был твердо уверен, что скоро увидит нужного ему человека. Он не смотрел в сторону дома не только потому, что это могло привлечь ненужное внимание возможного наблюдателя. Незнакомец занял такую позицию, чтобы видеть белый автомобиль «Ауди», находившийся рядом с ним. Незнакомец знал, кому принадлежит этот автомобиль, и поэтому спокойно дочитывал свою газету, точно рассчитав, что нужный ему человек все равно не уедет на работу без своего автомобиля.

Наконец появился тот, кого он ждал. Мужчина вышел из дома вместе с женщиной. Оба улыбались, негромко переговариваясь. Незнакомец взглянул на часы и нахмурился. Ему не понравилось, что эти двое вышли вместе. Он знал, что женщина была супругой того самого человека, которого он терпеливо ожидал уже полтора часа. Того самого человека, жить которому оставались считанные часы.

Незнакомец был Фармацевтом, профессиональным ликвидатором, который уже несколько дней выслеживал свою жертву, готовый действовать. Вышедший из дома мужчина был сотрудником французской контрразведки ДСТ Анри Борнаром, ликвидацию которого и поручили Фармацевту. Он знал, что Борнар был женат и имел двоих уже взрослых детей. И самое неприятное, что он был счастливо женат. Появляясь вместе на людях, супруги неизменно улыбались, демонстрируя свои дружеские отношения. Борнар поцеловал жену и уселся в свою «Ауди», и та медленно тронулась с места. Фармацевт снова взглянул на часы и перевел взгляд на женщину, весело помахавшую вслед машине уехавшего мужа.

Ликвидатор был достаточно профессиональным человеком, чтобы не реагировать на подобные мелочи, но где-то в глубине души он испытывал легкое чувство раздражения. Каждый раз, когда среди его потенциальных жертв попадались счастливицы, имевшие хорошие семьи, он чувствовал себя несколько не в своей тарелке. Словно ему предлагалось не только совершить необходимый акт возмездия, но и разрушить жизнь другому человеку, который был абсолютно не виновен в сложной игре противостоящих друг другу спецслужб.

Но таковы были «издержки профессии». Убивая мужчину, он обрекал на страдания его женщину. Его детей. И родителей. Его друзей и коллег. Фармацевт старался об этом не думать. Но не думать совсем не получалось. Ведь когда-то, много лет назад, он оставил любимую женщину, посчитав, что она мешает его работе. Или она оставила его, он не хотел вспоминать подробности. Вероятно, виноваты были обе стороны, как бывает в подобных случаях. Но он остался один, и это воспоминание невольно вызывало в нем некоторую горечь, оставляя неприятный осадок каждый раз, когда он встречал счастливые пары. Возможно, в нем просыпались какие-то подсознательные комплексы. Он не хотел признаваться в этом самому себе.

Неторопливо поднявшись, он поправил очки и направился к своему автомобилю, серому «Ситроену», припаркованному рядом с площадью. Он точно знал, что успеет догнать автомобиль Борнара, который выехал двадцать секунд назад. Фармацевт уселся в свой автомобиль, и выворачивая руль, выехал в сторону реки. Лион находился на слиянии двух рек – Роны и Сены. Фармацевт нагнал машину Борнара через несколько секунд. Тот двигался осторожно, не нарушая правил дорожного движения. В центре города приходилось передвигаться доста-

точно медленно. Но переехав Рону по мосту Лафайета, автомобиль Борнара поехал не направо, куда обычно он отправлялся на работу, а свернул налево. Фармацевт свернул следом. Любое изменение в сложившемся расписании должно было его насторожить. Поэтому он свернул за «Ауди», чувствуя нарастающее раздражение.

Автомобиль Борнара направлялся к отелю «Хилтон», расположенному в северо-восточной части города, на холме. Фармацевт подумал, что у Борнара может быть встреча в этом отеле. Но «Ауди», доехав до дороги, ведущей к отелю, снова свернула направо. Это было уже не просто непонятно, но и опасно. Фармацевт увеличил расстояние между двумя машинами. Вполне возможно, что его смогли вычислить, и теперь эта загадочная автомобильная гонка ведет его к неминуемому финалу. Такое иногда случалось, когда охотник сам превращался в жертву. А ведь Анри Борнар сотрудник одной из самых закрытых и секретных структур Франции.

Но додумать до конца эту мысль Фармацевт не успел. Машина Борнара внезапно снова свернула, подъезжая к большому зданию из стекла и бетона, находившемуся неподалеку от отеля «Хилтон». Машина припарковалась недалеко от здания, и Борнар, выйдя из автомобиля, быстро пошел по направлению к этому комплексу. Фармацевт подъехал ближе и прочел вывеску. Затем негромко выругался и усмехнулся. Он должен был сразу понять, куда спешил Борнар. Это было центральное здание Интерпола, находившееся в Лионе. Фармацевт подумал, что здесь нельзя долго находиться. Камеры наружного наблюдения могут обратить внимание на его автомобиль. Он развернулся и поехал в сторону города. Придется подождать, когда Борнар вернется к себе в офис. Он работает в лионском отделении ДСТ. Его перевели сюда четыре года назад. Но ни в руководстве ДСТ, ни в руководстве Интерпола даже не подозревали, что Борнар долгие годы был двойным агентом, работая на российские и французские спецслужбы. В руководстве ДСТ заподозрили неладное, лишь когда пять лет назад провалились сразу два агента. Именно тогда было принято решение перевести Борнара из центрального аппарата в Лион. Борнар вел беспроблемную игру. Он подставлял агентов обеим сторонам, получая из Москвы деньги, а в Париже – очередные звания и награды. Но игра закончилась четыре года назад. Его перевели в Лион и первое время за ним наблюдали. Он вел спокойную, размеренную жизнь, ничем не выдавая своей прежней двойной игры. И через год служба внутренней безопасности ДСТ прекратила наблюдение за ним. Казалось, все наладилось к лучшему. Но в Москве о предательстве Борнара не забыли. И четыре года спустя в Лионе появился Фармацевт.

МОСКВА. РОССИЯ, 16 ИЮНЯ 2006 ГОДА

Полковник ФСБ в отставке, работавший ныне в Академии ФСБ, Тимур Караев приехал на знакомую ему квартиру в шестом часу вечера. У него были свои ключи, и поэтому он открыл дверь, входя в квартиру. В гостиной его уже ждали. Там находился другой человек, у которого тоже были свои ключи от этой квартиры. Формально они были знакомы и даже работали в одном учреждении. Ожидавший его в этой квартире генерал Попов являлся заместителем начальника Академии ФСБ. Они пожали друг другу руки. Караев прошел к столу и сел напротив генерала.

– Рассказывайте, – потребовал тот.

– Все нормально, – устало сообщил Караев, – я просидел на оглашении приговора весь день. Думаю, что он так и не сумел понять, кто именно его подставил. Но у следствия было слишком много доказательств его вины. Приговор огласили. Четырнадцать лет.

– Что еще?

– Его супруга явно недовольна. Судя по всему, он ей ничего не сказал.

– Откуда вы знаете? Это ваши личные ощущения или есть конкретные факты?

– Я просто слышал ее разговор с братом, когда она выходила из здания суда. Во время процесса нельзя пользоваться мобильными телефонами, могут выставить из зала, поэтому она позвонила сразу, как только оказалась в коридоре. А я шел за ней следом. И все слышал.

– Дура, – презрительно сказал Попов, – правильно говорят. Курица не птица, женщина не человек. Не могла немного подождать и поговорить с братом, когда сядет в машину.

– Вы так не любите женщин?

– Я их люблю даже слишком сильно. Из-за этого и развелся семь лет назад со своей благоверной. И до сих пор не женат.

– Мне говорили, что вы разведены, – постарался скрыть усмешку Караев.

– Вы тоже, – зло заметил Попов, – и не делайте обобщающих выводов из моей обычной фразы. Эта похотливая дура его и погубила. Когда мужчина в его возрасте заводит себе такую молодую жену, он вольно или невольно начинает заменять свою потенцию дорогими подарками и разными побрякушками.

Караев подумал, что генерал прав лишь отчасти. Все зависит от обстоятельств и отношений конкретных людей. И в каждом случае все может быть иначе. Но не стал возражать.

– Я был уверен, что она достанет телефон, как только выйдет из зала суда, – пояснил Караев, – она слишком нервничала. Полагаю, что наши опасения были не напрасны. У него остались какие-то счета, о которых не знают ни в ФСБ, ни его супруга. И он был растерян этим приговором, понимая, что уже не сможет воспользоваться оставшимися деньгами.

– Что предлагаете?

– Послать к нему нашего человека. Под видом заключенного. Уточнить номера счетов. Потеря последних денег будет для него самым страшным ударом. Он из-за них пошел на предательство, вел такую роскошную жизнь. И он надеется еще вернуться и, возможно, использовать свои деньги. Чтобы вернуться к прежней жизни или попытаться вернуть свою молодую супругу.

– Хорошо. Мы так и сделаем. Вы неплохо поработали, полковник. Завтра суббота, но я прошу вас приехать в Академию. У вас завтра...

– Я помню о своей работе. Я буду точно в десять. Но, честно говоря, чувствую себя не очень хорошо. Впервые в жизни, Андрей Валентинович, я чувствую себя не в своей тарелке. Вы должны меня понять, я всегда был кадровым офицером ФСБ, а до этого КГБ и всегда сражался на «нашей стороне».

– Вы полагаете, что сегодня вы сражаетесь на чужой стороне? – недовольно спросил Попов. – Или вы считаете, что мы все тоже возможные потенциальные предатели интересов своей родины?

– Я так не говорил.

– Но вы так думаете. У меня тоже были похожие чувства. Все правильно, полковник. Мы привыкли работать только на свою страну, и поэтому любая двусмысленная ситуация кажется нам несколько странной. Но не забывайте, что мы и сейчас работаем на свою страну.

– О чем сама страна даже не догадывается.

– Она и не должна догадываться. Мы честно работали и работаем на свою страну. Просто мы несколько иначе понимаем свой долг и положение нашей страны в мире за последние пятнадцать лет. И делаем все, чтобы восстановить авторитет нашей страны в мире и наказать мерзавцев, которые использовали сложившуюся ситуацию в мире в свою пользу.

– Не нужно меня агитировать. Я сознательно пришел к вам. Но это не избавило меня от подсознательного чувства моей вины. Хотя бы с точки зрения обычного уголовного кодекса. Превышение служебных полномочий, несанкционированное приведение приговоров в исполнение, незаконное прослушивание, нарушение банковской тайны, я могу собрать целый букет наших возможных правонарушений.

– И во имя чего? – спросил Попов. – Мы стараемся для личного обогащения, как эти мерзавцы? Или предаем свою страну, своих товарищей, своих коллег? Что криминального мы делаем? Разве вы не знаете, что цель всегда оправдывает средства, во всяком случае, для сотрудников спецслужб, которые никогда не были связаны буквой закона. Не мне вам об этом напоминать, полковник Караев. И не забывайте, что мы собирали материалы на Карташова для передачи их в следственное управление военной прокуратуры только для того, чтобы помочь им разобраться с этим предателем. Что плохо мы сделали? Это, если хотите, наш долг. Что касается приведения несанкционированных приговоров в исполнение, то здесь вы тоже не правы. Мы приводим в исполнение только те приговоры, которые вынесены нашими судами. Советскими и российскими. И это тоже наш долг – находить предателей. Вы ведь понимаете, что в современном мире наши официальные организации не могут действовать так, как работаем мы. И наша неофициальная организация не подставляет свою страну и свои правоохранительные органы под объективы западных контрразведок или ненужное внимание прессы. С точки зрения закона и здравого смысла мы делаем то, чего не могут позволить себе сотрудники официальных учреждений.

– Я понимаю...

– Боюсь, что не совсем. Вы считаете, что Карташов единственный, кого мы вычислили за последние несколько лет? Ничего подобного. До него мы вычислили еще нескольких предателей. Например, полковника Сергея Скрипаля. Вы о нем наверняка слышали, процесс был достаточно громким. О нем написали даже в западной прессе. Он уволился в запас еще в девятидесятых, но продолжал передавать сведения о своих бывших коллегах. Его трудно было вычислить, ведь он не был среди действующих сотрудников, но мы смогли выйти на него. Сначала даже хотели предложить ему работать у нас. Затем обратили внимание на его подозрительные контакты. Кроме него, благодаря нашей помощи, были арестованы бывший полковник Службы внешней безопасности Александр Запорожский, получивший восемнадцать лет за измену родине, подполковник ФСБ Игорь Вялков, получивший десять лет тюрьмы, и полковник Алексей Кулешов. Он, между прочим, работал в нашей Академии. Можно сказать, у меня под носом. И заодно работал на англичан. Вот так.

– Я о нем слышал. Но он застрелился.

– Да, он понял, что его вычислили, и застрелился.

– Вы ему помогли?

– Нет. Если вам интересно, то нет. Но мы ему подсказали как нужно поступить.

– Почему?

– У него сын служил в пограничных войсках. И зять был главным инженером на очень засекреченном объекте. Если бы Кулешова осудили, их обоих автоматически убрали бы с тех мест, где они работали. Таковы суровые правила безопасности во всем мире. Мы тщательно все проверили, у него была прекрасная семья, и никто не знал о его предательстве. Поэтому было принято такое решение. С ним откровенно поговорили. И Кулешов все правильно понял.

– Доведение до самоубийства. Тоже статья, – меланхолично заметил Караев.

– Что бы вы сделали на нашем месте? – поинтересовался Попов. – Позволили бы его арестовать? И загубили бы жизнь хорошему ученому, каким был его зять, и его сыну офицеру. Он, между прочим, уже майор и имеет боевой орден. Вы считаете, что мы поступили неправильно?

– Не знаю. Очевидно, есть случаи, где мне трудно быть судьей.

– Как и нам всем, полковник. Но иногда нам приходится решать. И этот выбор не всегда бывает легким.

– Я могу идти? – Тимур поднялся. Этот разговор был неприятным для обоих собеседников.

– Идите, – разрешил Попов, – и подумайте еще раз о нашем разговоре, чтобы чувствовать себя гораздо лучше.

Караев вышел из квартиры, мягко закрыл за собой дверь. Уже спускаясь по лестнице, он вспомнил слова Попова о супруге Карташова. Может, этот генерал прав, вдруг подумал Тимур. В их возрасте заводить новый роман почти безрассудство. Карташову было под шестьдесят, его жене тридцать. Полковнику Караеву было пятьдесят шесть, а Элине, с которой он встречался, уже за сорок. Но разница все равно была большой. Какие глупости. Разве можно сравнить умную, тактичную, все понимающую, интеллектуалку Элину с этой глупой самочкой, которой нужны были только деньги ее супруга. Хотя он был ее вторым мужем, а у Элины тоже был первый супруг. Какие невероятные вещи приходят в голову. Этот циничный Попов испортил ему настроение. Караев подумал, что нужно будет позвонить Элине, как только он придет домой. Или нет. Лучше позвонить из машины. Он так и сделает. Позвонит ей прямо из машины. И выбросит из головы Карташова и его молодую супругу. А может, он тоже поступает не совсем порядочно. Ведь можно предположить, что их организацию рано или поздно сумеют вычислить. И тогда он отправится следом за Карташовым. Хотя он в своей жизни не сделал ничего противозаконного. Да и вероятность провала была настолько ничтожна, что о ней можно было забыть.

Организация «Щит и меч», созданная несколько лет назад, включала в себя такое количество высших офицеров спецслужб, что возможность самого провала была практически исключена. Караев об этом знал. Но чувствовал он себя плохо, словно совершал некие противоправные поступки. И по большому счету он понимал, что действует вопреки обычным нормам, принятым в большинстве государств. Но он отлично знал и другое. В большинстве так называемых демократических государств, подобные методы применялись давно и успешно. И эта была та самая альтернативная реальность, о наличии которой знали только настоящие профессионалы.

ЛИОН. ФРАНЦИЯ. 16 ИЮНЯ 2006 ГОДА

На часах было около шести. Фармацевт припарковал машину на соседней улице, рассчитывая, что сумеет увидеть, когда Борнар поедет домой. Его «Ауди» находилась прямо перед ним. Борнар вернулся на работу еще до перерыва. Обедая он обычно у себя в здании, а заканчивал работу в половине шестого. Но сегодня он задерживался. Фармацевт поправил темные очки. Когда он был в шляпе и в очках, трудно было увидеть выражение его глаз или запомнить его лицо случайному прохожему. Глаза не выдавали профессионального убийцу, они были спокойные, несколько ироничные и всегда безучастные.

Борнар наконец показался. Он подошел к своей машине, оглянулся, сел в салон и, достав мобильный телефон, начал с кем-то разговаривать. Фармацевт терпеливо ждал. Он хорошо знал, что в подобных ситуациях необходимо сохранять выдержку. Борнар закончил разговор и снова кому-то позвонил. Второй разговор длился гораздо меньше, не больше минуты. Борнар убрал наконец аппарат и его «Ауди» медленно тронулась. Фармацевт поехал следом. Если все пройдет нормально, Борнар должен припарковаться у своего дома, и войти в это старое здание, и подняться на третий этаж. Код на входной двери Фармацевт уже знает. Пока Борнар будет парковать машину у своего дома, он успеет оставить автомобиль на соседней улице и пройти к зданию, чтобы встретить Борнара прямо на лестнице. Затем два выстрела, один из которых контрольный. И он уйдет по лестнице, стараясь не привлекать внимание соседей.

Борнар остановился у супермаркета. Фармацевт затормозил в десяти метрах от его машины. В магазине Борнар пробыл еще пятнадцать минут. Затем вышел сразу с двумя большими пакетами. Фармацевт пригляделся. Если в пакетах только продукты, то это лишь облегчает ему выполнение порученного дела. В таком случае руки у жертвы будут заняты. Но по своему опыту он знает, что в пакетах могут быть и стеклянные бутылки. И если жертва внезапно выпускает их из рук, то стекло может загреметь на лестнице или разбиться, привлекая ненужное внимание соседей. Этот фактор профессионал обязан учитывать. Борнар положил пакеты в багажник и поехал дальше. Он остановил машину у еще одного магазина, на этот раз цветочного. Фармацевт терпеливо ждал. Борнар вышел оттуда с большим букетом цветов, который он бережно уложил на заднее сиденье. «Интересно, кому он повезет цветы, – беззлобно подумал убийца, – неужели своей супруге?»

«Ауди» наконец свернула к центру города. Фармацевт следовал за машиной, стараясь не выпускать ее из виду. Наконец они подъехали к дому Борнара. Здесь не было подземной парковки, и Борнар оставлял свою машину на улице. Фармацевт быстро припарковал машину на соседней улице и, закрыв автомобиль, поспешил к зданию, чтобы оказаться в доме первым, до того как туда войдет Анри Борнар.

Французу было под пятьдесят. Он был среднего роста, круглолицый, с каштановыми вьющимися волосами и смешной ямочкой на подбородке. Он был сотрудником контрразведки, но вполне мог сойти за кондитера или аптекаря. Одетый в вельветовые джинсы и светло-коричневую куртку, Борнар казался обычным французским горожанином, возвращавшимся домой после рабочей недели.

Фармацевт набрал код и открыл тяжелую входную дверь. Он осторожно поднялся на второй этаж. Лучше подождать здесь. В доме нет внутренних камер, это он уже успел проверить. Нужно достать оружие и завинтить глушитель. Обычно он делал это заранее, чтобы не торопиться. Фармацевт завинтил глушитель и прислушался. Внизу послышался скрип открываемой двери. И в этот момент рядом открылась дверь. Фармацевт убрал оружие и сразу пошел наверх, чтобы не встретиться с соседом, который мог бы его потом опознать. Но, судя по шаркающим шагам, это была пожилая женщина. Он прислушался, осторожно глянул вниз. Так и

есть. Женщине было лет шестьдесят. На первом этаже она столкнулась с Борнаром, который нес цветы и два больших пакета.

- Добрый вечер, мсье Борнар, – приветливо поздоровалась соседка.
- Здравствуйте, мадам Жанире, – ответил Борнар, – как ваша нога?
- Уже гораздо лучше, спасибо. А вы купили эти чудесные цветы для Мари?
- Сегодня ее день рождения, – сообщил Борнар, – сорок пять лет. Хочу ее порадовать.
- Поздравьте и от моего имени, – обрадовалась соседка, – у вас чудесная жена, мсье Борнар.

– Я знаю, – ответил тот, – извините, я тороплюсь.

Фармацевт покачал головой. Выше третьего этажа в этом старом доме просто некуда подниматься. Нужно либо стрелять, либо, рискуя, уходить, пройдя мимо Борнара. Но другого выхода просто нет. Он не был настолько аморальным негодяем, чтобы стрелять в мужа в день рождения его супруги. Но скрыться просто некуда. Абсолютно нереальная ситуация, когда нужно стрелять и все готовы, но стрелять нельзя. И поэтому он после нескольких секунд колебаний принял нелегкое решение. Он подошел к другой двери на втором этаже и позвонил. Борнар поднимался по лестнице. Фармацевт стоял к нему спиной, чтобы не встречаться с ним лицом к лицу. Нужно было, чтобы дверь открыли как можно позже. Но она открылась почти сразу. На пороге стояла девушка, лет двадцати, которая недоуменно смотрела на незнакомца.

– Здравствуйте, что вам нужно? – поинтересовалась она.

– Добрый вечер, мадемуазель, – крикнул Борнар, проходя мимо них.

– Здравствуйте, мсье Борнар, – любезно отозвалась незнакомка, – мой привет Мари. Кто вы такой, что вам нужно? – снова спросила она.

– Я из службы социального страхования, – пояснил незнакомец, – дело в том, что мадам Жанире жаловалась на свое плохое самочувствие, и мы собирались предложить ей пройти обследование в больнице...

– Верно, – улыбнулась девушка, – вам нужна мадам Жанире? У нее действительно болели ноги, но она живет в соседней квартире. Вы просто ошиблись.

Борнар, поднимаясь, обернулся. Он слышал весь разговор и удивился. С каких пор служба социального страхования проявляет такую заботу о своих клиентах. И как незнакомец вошел в дом, минуя кодовую дверь и не позвонив самой мадам Жанире. Самое интересное, что незнакомец даже не повернулся, когда соседка поздоровалась с Борнаром. Или у этого чужака такие железные нервы. Но с таким самообладанием люди работают обычно в других учреждениях. Борнар нахмурился, замедлил шаг. Он хотел даже спуститься, чтобы уточнить у этого типа, из какой организации его прислали, когда на третьем этаже открылась дверь. У Борнара было слишком много покупок, чтобы отвлекаться на разговор с неизвестным. К тому же на лестничной площадке появилась Мари. Она давно ждала его, и Анри Борнар поднялся в свою квартиру, уже не думая о визите странного незнакомца.

Фармацевт позвонил в квартиру мадам Жанире и, не дождавшись ответа, спустился вниз. Он сегодня рисковал ради неизвестной ему Мари. Но стрелять в день ее рождения было просто немыслимо. Она сделала своему мужу самый лучший подарок, подарила ему еще один день жизни. Фармацевт вышел из дома, чувствуя досаду. Он прошел к своему автомобилю и уселся в салон. Машину он обязался сдать еще до завтрашнего утра. Нужно будет поменять автомобиль. И придумать новый план. Завтра суббота, вполне вероятно, что Борнар даже не выйдет из дома.

– Я становлюсь сентиментальным стариком, – подумал Фармацевт и едва не выругался. Положив пистолет с глушителем на соседнее сиденье, он прикрыл оружие своей шляпой. И медленно отъехал от дома.

МОСКВА. РОССИЯ. 16 ИЮНЯ 2006 ГОДА

В молодости мы часто влюбляемся. Говорят, что в этом виноваты гормоны, бушующие в наших телах, вспомнил он. Говорят, что молодые должны влюбляться и совершать безумные поступки. После тридцати приходит опыт и некоторая осмотрительность. После сорока начинается кризис среднего возраста. К пятидесяти становишься циником. К шестидесяти уже теряешь все свои лучшие качества, оставляя себе личный эгоизм в качестве нормы. Ему казалось, что так и должно быть. Так и развивается его собственная судьба, когда в сорок лет он испытывал настоящий кризис, развелся с женой, а в пятьдесят с лишним ушел на пенсию. И вот теперь, в пятьдесят шесть лет, он неожиданно влюбился как мальчишка в женщину, которая была моложе его на пятнадцать лет. Более того, в замужнюю женщину. Он не просто влюбился, он сходил с ума из-за ее отсутствия, частых отлучек в Санкт-Петербург, куда она ездила к сыну.

Элина лишь формально была замужем. Она уже узнавала, как именно ей можно развестись. Согласно российскому законодательству, оставшемуся в наследство от советского семейного права, супружеская пара, не имеющая материальных претензий друг к другу и несовершеннолетних детей, могла разводиться через загс, минуя унижительные процедуры суда. Сыну Элины было почти двадцать, и супруги могли подать на развод, минуя суд.

Тимур знал, что последние годы они не жили вместе, но он умудрялся ревновать Элину даже к прошлому, когда она была замужем. Обычно она приезжала к нему вечером, чтобы утром уехать. Они уже привыкли к этому ритуалу, включавшему в себя ее обязательные звонки с извещением, что она уже в пути. Караев все время изумлялся подобной тактичности, ведь она точно знала, что он живет один и его бывшая супруга никогда не появлялась в этой квартире. Однажды он спросил Элину, почему она всегда предупреждает его о своем появлении.

– У тебя могут быть посторонние люди, – спокойно объяснила Элина, – знакомые женщины, твои коллеги, друзья, твой сын, твои родные. Зачем нужно шокировать их моим появлением. Будет гораздо лучше, если я заранее предупрежу о своем визите и ты меня заранее сможешь подготовить к возможной встрече.

– Я скажу, что ты моя любимая женщина, – предложил Тимур.

– Это не повод появляться у тебя без предварительного звонка. У холостых мужчин может быть много любимых женщин. Или просто знакомых женщин, которых они выдают за любимых. Я понимаю, что не могу тебя скомпрометировать, но я бы не хотела сама попадать в двусмысленное, дурацкое положение. Разве я не права?

Она была как всегда права. И он в который раз согласился с ее доводами. Сегодня была пятница, и она заранее предупредила его, что приедет немного позже обычного. Он поужинал в одиночестве, привычно помыл посуду и уселся перед телевизором, не включая его. Обычно он смотрел только последние новости или различные аналитические программы западных каналов. Сегодня ничего смотреть не хотелось. Он сидел перед выключенным телевизором и вспоминал перипетии закончившегося судебного процесса. Конечно, Карташов был виноват сам и предательство вообще невозможно оправдать, но при воспоминании о том, как они подставили этого бывшего офицера, на душе становилось мерзко. Генерал Попов выражал мысли всей организации – предателей нужно находить и наказывать. И не всегда получается делать это в «белых перчатках». Но сомнения в правильности своего выбора все равно мучили полковника Тимура Караева.

Он хорошо знал кухню своего бывшего ведомства, где прослужил всю жизнь. Он не идеализировал и не романтизировал свою бывшую службу. Знал ее недостатки и просчеты. Но он считал свою бывшую работу частью государственной службы, полагая, что его организация является необходимым звеном в цепи государственных институтов, обеспечивающих безопасность самой страны. Теперь у него не было подобной уверенности. Теперь он начал

сомневаться. Ведь их закрытая организация, состоящая из бывших и нынешних офицеров спецслужб, была не совсем законной. Или полуподпольной, если точнее выразиться. При этом «полуподпольной» она была скорее для Запада, чем для собственных спецслужб. В руководство организации «Щит и меч» входили высшие руководители спецслужб, коллеги которых знали или подозревали о существовании подобной структуры. Более того, одним из руководителей организации был Иван Сергеевич Большаков, приравненный по должности к членам правительства и являвшийся главой наиболее закрытого и секретного федерального учреждения страны – Государственной технической комиссии.

Об остальных руководителях Караев мог только догадываться. Их группу в Академии ФСБ возглавлял генерал Попов, которому он лично подчинялся и по службе, и по положению в организации.

Раздался звонок в дверь, и, очнувшись от своих мыслей, Караев поднялся, чтобы открыть дверь.

На пороге стояла Элина. Она была в элегантном платье в черно-белую клетку, которую дизайнеры называли «виши». Сверху она накинула красный шарф, который дополнял ее красивую одежду. Элина была талантливым дизайнером, владельцем фирмы, имеющей свои филиалы в Москве и Санкт-Петербурге. Кроме того, она провела много лет в Италии, где была с мужем в командировке. Он был специалистом по итальянской живописи и работал в галереях Флоренции и Рима. Тимур точно знал, что она гораздо более состоятельный человек, чем преподаватель Академии ФСБ. Но на эту тему они почти никогда не разговаривали. Им было хорошо вместе, а в ресторанах и кафе традиционно платил сам Караев. Как восточный человек, он полагал, что это нормально, и не разрешал ей доставать свои кредитные карточки.

– Здравствуй, – она улыбнулась, шагнув в квартиру. Он привычно поцеловал ее. Ему так нравился ее запах, ее присутствие рядом. Это было как чудо в его возрасте, когда после многих лет одиночества встречаешь свою половину, предназначенную только для тебя. Они не хотели признаваться в этом даже самим себе. Им было хорошо вместе и в постели, и на кухне, и в ресторане, и в толпе людей. Они словно чувствовали друг друга, понимая состояние своего партнера без лишних слов.

Подобные метаморфозы случаются не столь редко, как кажется. И нашедшие свои половинки обретают то недоступное счастье, которое неведомо миллионам остальных смертных. Элина сняла обувь, положила сумочку на столик, стащила с себя шарф.

– У тебя великолепное платье, – восхищенно сказал Тимур.

– Надеюсь, что так, – она надела свои тапочки, которые хранила в его шкафу, и прошла в ванную комнату, чтобы помыть руки, – между прочим, это платье от Сен-Лорана, – крикнула она ему, уже вытирая руки.

– Не нужно добивать меня названиями этих дорогих дизайнеров, – пробормотал Караев, – я никогда не смогу покупать и дарить тебе подобные платья.

– Глупости, – она вышла из ванной, – меня не волнуют ваши деньги и ваши доходы, господин полковник. И мне меньше всего нужны платья, которые вы мне подарите. Будет гораздо лучше, если я сама их буду выбирать и покупать.

– Что остается мне?

– Любить меня, – она улыбнулась, – кажется, вас смущает мое платье? Я могу его снять. Или вы разрешите сначала пройти на кухню? Между прочим, я умираю с голода. У тебя есть что-нибудь поесть?

– Я купил салаты и рыбу.

– Прекрасно, – она взяла его под руку, – неужели ты комплексуешь из-за моих доходов?

– Не очень. Но хочется тебе соответствовать.

– Для этого тебе нужно снова вернуться в «Лукойл», где ты работал, и стать одним из заместителей Алекперова. Вы ведь земляки, вдруг он сделает тебя своим первым заместите-

лем. Тогда ты сможешь купить мне не только такое платье, но и вообще всю компанию Ив Сен-Лорана, которую он уже продал другим клиентам. И вообще я не понимаю, почему ты ушел из службы безопасности «Лукойла» в эту Академию. Неужели ты считаешь, что в тебе умирает великий педагог?

Они прошли на кухню. Элина уселась на стул, и он начал доставать еду из холодильника, подавая ее на стол.

– Я карьерист, – улыбнулся Караев, – хочу быть генералом. Может, в Академии получу это звание. А в «Лукойле» мне ничего подобного обещать не могли. И Алекперова я видел только по телевизору.

– Ты неудачник, – усмехнулась Элина, – все понятно. Давай твою рыбу. И твой гранатовый сок. Как его называют?

– Наршараб, – он достал бутылочку с темной, почти черной жидкостью и поставил ее на столик. Подобная приправа считалась лучшей для любого сорта рыбы. И употреблялась даже для мяса. Иностранцы обожали этот концентрированный гранатовый сок, вывозя его десятками бутылочек из Баку. У него был специфический, ни на что не похожий вкус.

Она приняла есть, весело поглядывая на него.

– Ты неудачник, – снова повторила она, – не стал миллионером, не получил генерала. Даже до сих пор не женился во второй раз. Просто хронический неудачник.

– С недавних пор я так не считаю, – честно признался Тимур.

– Почему? – она взглянула ему в глаза. У нее были такие красивые миндалевидные глаза.

– Я встретил тебя, – ответил Караев, – и поэтому я считаю, что моя жизнь вполне удалась. Во всяком случае, ее финишная прямая.

– Не нужно так говорить, иначе я расплачусь, – было непонятно, шутит она или говорит серьезно. – Я спросила, уже зная твой предполагаемый ответ. И, пожалуйста, не нужно про «финишную прямую». Вы, кажется, делали мне предложение, господин полковник. Или вы собираетесь умереть сразу после того, как женитесь на мне? Оставить молодую жену вдовой? Неужели вы можете поступить так некрасиво? А я слышала, что все ваши земляки долгожители? Или нет?

– Да, – кивнул Караев, – я собираюсь прожить так долго, чтобы мы с тобой отметили золотую свадьбу. Мне будет только сто шесть лет. Или уже сто семь. Хотя я помню, что ты собиралась прожить еще сорок лет.

– Теперь уже гораздо больше. Я буду молодая и красивая бабушка в девяносто один, – рассмеялась Элина, – ты нарочно напоминаешь мне о моем возрасте?

– О своем.

– О нашем. Ты знаешь, я о нем как-то не думаю. Ощущаю себя счастливой и молодой женщиной. Ты не поверишь, но иногда мне бывает даже немного стыдно за то, как я себя веду с тобой. В постели и в жизни. Я никогда не бывала такой...

– Нахальной, – подсказал ей, скрывая усмешку, Тимур.

– Отважной, – нашла она нужное слово, – такой раскованной, как с тобой. Мне кажется, что ты все правильно понимаешь, все верно оцениваешь. Я даже не представляю, что именно должно произойти, чтобы я на тебя обиделась. Или ты на меня. Разве я не права?

– Мы еще успеем с тобой поругаться, – пообещал Караев. – У меня ужасный характер.

– Нет. Не получится. Я уже успела наругаться со своим первым мужем. Нет, нет, Караев, я совсем не дурочка. И мне уже много лет. Один раз я ошиблась. Со своим первым мужем. Хотя нет, наверно, не совсем ошиблась. Он мне нравился, очень нравился. Такой умница, интеллект, начитанный, образованный. А потом поняла, что это часто поза, чтобы привлечь к себе внимание. В том числе и понравиться другим женщинам, которые всегда были от него без ума. Это он умел. Ты не такой. В тебе есть некая надежность. Я тебе об этом говорила. И могу

повторить еще раз. Ты не любишь позеров и сам никогда не станешь бегать «петухом» вокруг курочек. Ты для этого слишком самодостаточный человек.

– Убедила, – улыбнулся Тимур, ему было приятно слышать подобные слова. – Ты уже доехала свою рыбу? Или достать еще?

– Хватит. Я должна думать о своей фигуре. Мне скоро идти под венец, господин полковник, а невеста должна иметь хотя бы подобие талии.

– У тебя прекрасная фигура.

– Она будет такой, если ты не будешь меня откармливать.

Он забрал ее тарелку, чтобы положить в посудомоечную машину. Она улыбнулась.

– Никак не могу привыкнуть к твоей самостоятельности, – призналась Элина.

– Надеюсь, что привыкнешь достаточно быстро, – пробормотал Караев. – Когда ты планируешь завершить свой бракоразводный процесс в Санкт-Петербурге?

– Там уже все готово. Никаких проблем. Ты ведь знаешь, я хотела поговорить со своим сыном, когда он выйдет из больницы. Мы с ним уже поговорили. Он догадывался, что у меня есть любимый человек, хотя я этого ему и не говорила. Поэтому у нас нет никаких проблем. Как только я вырвусь в Санкт-Петербург в будние дни, так все и решим. Я поеду туда и все оформлю. Нужно, чтобы мы оказались с мужем вместе. В один день и в одном городе.

– Надеюсь, что наконец окажетесь, – согласился Тимур. – Ты будешь кофе? Я купил хороший кофе.

– Конечно. Спасибо, что ты мне помогаешь. Я так вымоталась сегодня на работе. Целый день провела в бегах. Все эти оформления, банковские переводы, депозиты, кредиты. Голова идет кругом.

– Ты у нас бизнесмен.

– Пытаюсь им быть. Ты не обидишься, если сегодня я сразу засну?

– Я когда-нибудь на тебя обижался? Конечно, нет.

– Когда ты так говоришь, я чувствую себя последней стервой. Заявляюсь к тебе домой, обедаю старого холостяка и нагло засыпаю в его постели. Я не слишком тебя утомляю?

– Ты прекрасно все понимаешь. Даже если мы станем бесполоыми существами, то и тогда я буду радоваться твоему приходу. Мне приятно, когда ты спишь рядом. Я слышу твоё дыхание, чувствую твоё тело, этого вполне достаточно. Мне приятно даже находиться с тобой в одной комнате. Это не комплимент...

– Я знаю, – она положила руку на его руку, – ну почему мы не встретились много лет назад. С таким человеком, как ты, можно вместе жить, вместе стареть и вместе умирать. Желательно в один день, как в сказках.

– Может, все так и должно было случиться, – возразил Караев, – ведь в молодости мы, наверно, были друзьями.

– Да, – улыбнулась она, – я была жуткой стервой. Мой муж со мной натерпелся.

– Представляю, – улыбнулся он.

– Ничего ты не представляешь, – она сжала его руку, – я была тихой и покорной женой. Между прочим, почему у тебя двуспальная кровать? Ведь ты живешь все последние годы один?

– Не знаю. В комплекте мебели, который я тогда заказал, была именно такая кровать. И я ее взял. Может, я подсознательно думал, что рано или поздно рядом окажется такая женщина, как ты. Хотя нет, в последние годы я в такое чудо уже не верил. Мне казалось, что я так и умру холостяком.

– Опять, – она покачала головой, – ты уже дважды говоришь о своей смерти. Некоторый перебор. Давай пойдем спать. Мне завтра рано вставать.

– Мне тоже, – вспомнил Караев, – значит, на следующей неделе вы можете уже подать документы на развод.

– Через неделю, – кивнула она, – и учти, что потом нам могут дать еще месяц на размышление. Обычно так поступают с молодоженами, чтобы они обдумали свое решение. В субботу я буду в Санкт-Петербурге у сына, а в воскресенье вернусь. Но документы начнем оформлять только через неделю.

– Мы будем думать целый месяц, – улыбнулся Тимур, – сейчас я сделаю тебе кофе.

Он даже не подозревал, что через неделю ни его, ни Элины уже не будет в Москве. И вообще, вся его дальнейшая жизнь будет зависеть совсем от другого человека, с которым он даже не был знаком в данный момент.

ЛИОН. ФРАНЦИЯ. 17 ИЮНЯ 2006 ГОДА

В эту субботу Фармацевт появился в трех кварталах от дома Анри Борнара. Нужно было принимать решение и менять свои планы. Как настоящий профессионал, он понимал, что появляться у дома Борнара еще раз просто невозможно. Он помнил о своей вчерашней ошибке. Когда женщина поздоровалась с поднимающимся по лестнице Борнаром, сам Фармацевт даже не повернул головы, проявив выдержку и этим невольно выдав себя. Сотрудник службы социального страхования не был бы так нелюбопытен в своем округе. Хорошо, что Борнар не обратил внимания на подобную ошибку. Или обратил, но не придал значения. Ведь он торопился на день рождения к своей супруге.

Теперь следовало применить другой план. Появиться рядом с домом своей жертвы Фармацевт не мог. Его могла опознать соседка, с которой он вчера разговаривал. Или на него мог обратить внимание кто-то из тех случайных прохожих, которые могли оказаться у дома Борнара вчера вечером. Рисковать было глупо и непрофессионально.

Фармацевт был специалистом старой школы. Он не был тем наемным убийцей, которых во множестве развелось в странах СНГ сразу после развала большой страны. Бывшие спецназовцы, бывшие оперативники, бывшие сотрудники правоохранительных органов, даже бывшие гуманитарии, умевшие стрелять, и бомжи, не умевшие стрелять, все, кто мог достать оружие и получить заказ на убийство, занимались подобным опасным промыслом. Но это были дилетанты паразитирующие на общей нестабильности ситуации и часто попадавшие на элементарных ошибках и проколах. Но вся беда была в том, что противостояли им еще худшие дилетанты, когда настоящих специалистов не хватало. Многие из них ушли из органов после глупых реорганизаций в начале девяностых, многие ушли в различные службы безопасности при крупных компаниях, а еще большее число людей просто уволилось. И пришедшие им на смену следователи и оперативники не обладали ни опытом, ни мастерством ушедших.

Фармацевт работал еще в той организации, которая наводила ужас на весь мир и называлась Комитетом Государственной Безопасности. И поэтому он не пошел в субботу к дому Борнара. Нужно было обыграть сложившуюся ситуацию в свою пользу и найти нестандартное решение. Фармацевт продумывал свой план всю ночь. Утром он появился в трех кварталах от дома Борнара, уже продумав все до мелочей. Он нашел телефон-автомат и набрал знакомый ему городской телефон квартиры Борнара. Ответил сам хозяин.

– Слушаю вас, – весело сказал он. – Кто говорит?

– Добрый вечер, мсье Борнар, – приглушенным голосом сказал Фармацевт, – я хотел передать вам привет от ваших бывших друзей и пригласить вас на встречу.

– Это провокация? – спросил, немного колебаясь, Борнар. – О чем вы говорите? Каких друзей? Я никого не знаю.

– У меня к вам очень неплохое предложение, – продолжал Фармацевт, – я думаю, что нам лучше все обсудить при личной встрече. Когда вы можете подойти к церкви Сен-Жан?

– Через пятнадцать минут. Но учтите, что если это провокация, то я позову полицию. Я не знаю, кто вы такой и что вам нужно.

– Не торопитесь, – предложил Фармацевт, – после встречи вы сможете вызвать полицию, если мы не договоримся.

– Договорились. Я приду на встречу, чтобы выслушать ваше предложение. Но если оно мне не понравится, я сразу уйду. И не забывайте, что мы будем в достаточно людном месте и никакие провокации у вас не пройдут.

Фармацевт положил трубку и улыбнулся. Примерно так он и представлял этот разговор. Ведь Борнар знал, что его подозревают в двойной игре и поэтому перевели в Лион. Конечно, он сомневается. С другой стороны, он почти уверен, что ему ничего не грозит. Времена, когда

спецслужбы ликвидировали своих агентов, давно канули в прошлое. Если это провокация ДСТ, то Борнар легко докажет, что не хочет работать с провокаторами, которые выдают себя за агентов чужой стороны. А если он убедится, что это представители российских спецслужб, которые нашли его через несколько лет, то с удовольствием пойдет на повторные контакты, ведь лишние деньги ему явно не помешают. К тому же человек, привыкший жить на широкую ногу и бесконтрольно тратить деньги, не может так легко приспособиться к новой жизни на скудную зарплату государственного служащего. И с этой точки зрения Борнар тем более захочет появиться у церкви. Остается только ждать.

Фармацевт отошел в сторону и встал так, чтобы видеть небольшую площадь, где мог появиться Борнар. Он не ошибся. Он все рассчитал правильно. Анри Борнар появился на этой площади ровно через пятнадцать минут. Он перешел мост Бонапарта и оказался на площади. На всякий случай он взял с собой магнитофон, чтобы записать свой разговор с незнакомцем, в качестве доказательства своей невиновности. Увидев одиноко стоявшего Фармацевта, прислонившегося к серому зданию на углу, Борнар вспомнил эту фигуру и эту шляпу. Он вчера видел этого человека. Видел со спины и удивился, что он не обернулся к нему. Значит, это провокация французских спецслужб, которые таким образом его проверяют. Борнару стало весело, сейчас он устроит скандал и докажет, что абсолютно не виновен. Если бы этот высокий мужчина был представителем от России, он не стал бы вчера так глупо подставляться. Очевидно, за Борнаром снова установили слежку. Анри быстрым шагом направился к незнакомцу, уже предвкушая, что именно ему скажет. Но когда расстояние между ними сократилось до трех шагов, незнакомец вдруг поднял руку. Борнар не замедлил шаг, удивившись, что у незнакомца блеснул в руке пистолет с надетым глушителем.

«Он, наверно, сошел с ума, – успел подумать Борнар, – в центре города, при всех, достает оружие. Это провокация...»

Незнакомец выстрелил два раза. Первый выстрел пришелся точно в голову. Второй был уже в падающее тело. Собственно, второй раз можно было и не стрелять. Незнакомец повернулся и, не оборачиваясь, двинулся к пассажиру, где толпились люди. Никто не услышал этих щелчков, только продавщица мороженого, стоявшая в своей небольшой лавке, вдруг увидела, как спешивший мужчина споткнулся, словно ударившись о неведомое препятствие, и вдруг начал падать, будто подкошенный. Она закричала с опозданием в несколько секунд, когда Фармацевт был уже далеко, а несчастный Анри Борнар лежал без движения.

Еще через десять секунд к нему начали подходить люди. Когда через полминуты тело Борнара перевернули на спину, его убийца был уже далеко. Он как раз садился в такси, отправляясь за город, где он жил. Фармацевт подумал, что сегодня он сыграл на обычной жадности негодяя, который пришел на встречу, рассчитывая еще раз заработать на предательстве. Или доказать своей службе, что он не предатель, для последующего продвижения по службе и возвращения в столицу. Но сегодняшняя утренняя встреча стала для Борнара последней.

Уже через полчаса Фармацевт сидел в автобусе, направлявшемся по шестому шоссе из Лиона в Париж.

МОСКВА. РОССИЯ, 17 ИЮНЯ 2006 ГОДА

В этот субботний день полковник Караев приехал в Академию чуть раньше обычного. Он припарковал машину на стоянке, кивнул дежурному офицеру, показал свое удостоверение, проходя в здание. Через десять минут он уже сидел в кабинете генерала Попова.

– Доброе утро, Тимур Аркадьевич, – хозяин кабинета разговаривал так, словно они вчера и не виделись. И вообще были не очень знакомы. Это было частью той большой игры, в которой каждый из них знал свое место и свои правила. В кабинете могли установить подслушивающие устройства нового типа, на которые не действовали даже резонансные скремблеры, обычно искажающие звук и не позволяющие записывать разговор на пленку.

– Здравствуйте, Андрей Валентинович, – в отличие от вчерашней встречи, они лишь кивнули друг другу в знак приветствия.

Генерал говорил о новой группе, которая будет сформирована на будущий год. Если бы кто-нибудь услышал их беседу, то решил бы, что они говорят всего лишь об улучшении преподавательского процесса в Академии. При этом Попов написал на листке бумаги несколько слов и протянул ее Караеву. Тот прочел написанное. «Вас будет ждать через три часа И.С.», – указал Попов. Объяснять подробнее не было необходимости. Тимур знал, кто скрывается за этими инициалами. Они продолжали говорить еще несколько минут, и затем Караев, попрощавшись, вышел из кабинета.

Сегодня у него была очередная встреча со своими подопечными, которые проходили специальный курс под его руководством. Их было трое. Трое относительно молодых людей, им было не больше тридцати. Но они были уже сформировавшиеся офицеры, имеющие опыт работы в контрразведке. Капитан Михаил Сапронов, капитан Дмитрий Зыбин и старший лейтенант Константин Носик. Все трое работали в ФСБ уже не первый год.

Караев вошел в оборудованный кабинет, когда офицеры поднялись, приветствуя своего преподавателя. Он предложил им садиться.

– Давайте еще раз по оперативной работе, – предложил Тимур, усаживаясь в кресло. – На чем мы остановились в прошлый раз?

– Вербовка агентов, – напомнил Сапронов, – вы говорили, что обычные дела подразделяются на дела-формуляры, дела агентурной разработки и дела оперативной переписки.

– Верно, – кивнул Караев, – какие офицеры могут быть в штате службы контрразведки?

– Офицеры, состоящие на действительной службе, офицеры действующего резерва, являющиеся секретными сотрудниками, офицеры из прикомандированных сотрудников и офицеры – «вольные стрелки», – перечислил Сапронов. Он был самым толковым из всей группы. Сам среднего роста, подтянутый, живой, с глубоко посаженными глазами, острым носом, упрямой складкой у губ.

– Про последних нельзя говорить и нельзя упоминать, – напомнил Караев, – официально считается, что сейчас подобных людей просто не существует. Они были еще в те времена, когда всеобщая секретность была нормой. «Вольные стрелки» работали в обычных учреждениях, могли десятилетиями числиться обычными инженерами, бухгалтерами, строителями, архитекторами, даже журналистами или писателями. Но на самом деле это были глубоко засекреченные офицеры КГБ, о существовании которых зачастую не подозревали даже в центральном управлении контрразведки. Они были глубоко законспирированы на случай войны или других чрезвычайных обстоятельств.

– Странная жизнь, – задумчиво сказал Носик, – просидеть в какой-нибудь конторе или на каком-то забытом богом заводе много лет и ничего не сделать. Получается, что вся жизнь впустую. Как-то нелогично. Я бы так не смог.

– У каждого своя работа, – возразил Караев, – вспомните нелегалов. Они иногда работают много лет, вживаясь в свою легенду, разговаривая на чужом языке, перенимая чужие традиции и опыт, свыкаясь со своей легендой. Но это в разведке. А в контрразведке действуют «вольные стрелки», которые живут своей обычной жизнью, ничего не придумывают и говорят на родном языке, общаясь с близкими и родными людьми. Им, с одной стороны, легче, а с другой – гораздо тяжелее, чем всем остальным. Трудно сохранять бдительность в привычной обстановке. Очень трудно.

– Они не работают с другими агентами? – уточнил Зыбин.

– Нет. Конечно, нет. И так нельзя задавать вопрос. Учтите, что просто «агентов» не бывает. Есть информаторы, а есть осведомители. У «вольных стрелков» не бывает своих агентов, для этого они слишком засекречены. А информаторы вполне могут быть. И некоторые из них даже не подозревают о том, что поставляют нужную информацию офицеру спецслужбы. В этом и состоит специфика их работы. Скажите, Зыбин, что такое «пудинг»?

– На сленге сотрудников ЦРУ так называется штаб-квартира ООН, – вспомнил Зыбин, – мне кажется, что название достаточно точно отражает общую тенденцию, там наверняка, почти в каждом представительстве, есть свои сотрудники национальных разведок.

– Правильно. Что такое «сборка»? Отвечайте вы, Сапронов.

– Когда готовят сотрудников дипломатических миссий, – улыбнулся Сапронов, – их как бы «собирают» для последующей вербовки. Продумывают операцию по их дискредитации и вербовке.

– Кого мы называем «Спящим»? – поинтересовался Караев. – И чем он отличается от «вольного стрелка»? Отвечайте вы, Зыбин.

– «Вольные стрелки» действуют в собственной стране, тогда как «Спящих» засылают в чужую страну, чтобы они залегли на дно и готовились в течение многих лет к активной деятельности, – пояснил Зыбин.

– Хорошо, – улыбнулся Караев, – я вижу, что вы усвоили наши уроки очень неплохо. Во всяком случае, вы все трое были лучшими среди остальных. Теперь каждый из вас получит свою тему для разработки и распишет свои будущие действия. После чего вы получите конкретные задания. Вопросы есть?

– У меня есть, – поднял руку Сапронов, – у нас говорят, что так называемые «черные операции» остались в прошлом. Но я не совсем понимаю, как можно требовать от собственных сотрудников не нарушать установленных правил, если возникает подобная необходимость.

Караев почувствовал на себе взгляды всех троих офицеров. Он понимал, о чем говорит Сапронов. «Черными операциями» назывались такие спецмероприятия, во время которых приходилось идти на сознательное нарушение установленных правил и законов, чтобы добиться нужного результата. Считалось, что подобная практика была характерна для работы бывшего КГБ и в демократической России к ней не прибегали. Во всяком случае, именно так декларативно заявляли об этом все назначаемые в контрразведку и разведку руководители. Но все понимали, что обойтись без подобных методов практически невозможно.

– Это философский вопрос допустимого зла для победы добра, – немного подумав, сказал Караев, – дискуссии могут быть различными, как и точки зрения. Кажется, Уильям Чэннинг сказал, что если войной можно уничтожить войну, то позволительна даже война. А если убийством можно уничтожить убийство, то позволительно и убийство. Если вы хотите знать мою личную точку зрения, то я считаю подобные тезисы несколько сомнительными. Не аморальными, но вызывающими некоторые споры. Еще Макиавелли писал о том, что в политике должно быть дозволено все, любые методы, для достижения своих целей. А если я должен отвечать как ваш наставник, то должен признать, что не всегда можно достичь необходимых результатов, работая в «белых перчатках». Особенно в нашей работе. Но если я должен отве-

чать как законопослушный гражданин, то, конечно, с подобными тезисами я не должен соглашаться. Категорически. Теперь выбирайте, что вам больше нравится.

– А вам? – Сапронов не хотел сдаваться. Он умел спорить. Это более всего нравилось в нем полковнику Караеву.

– В каждом случае должен быть индивидуальный подход, – дипломатично ответил Караев, – и каждый такой случай нужно рассматривать как явное исключение из общего правила. Идеальный вариант, когда мы можем действовать в рамках наших законов и достигать своих целей. Но это не всегда получается.

– Нам разрешили действовать и за рубежом, – напомнил Сапронов, – Государственная дума приняла закон, по которому спецслужбы могут действовать за рубежом с согласия Президента. Даже находить и уничтожать наших врагов. Разве вы не считаете, что подобная практика будет явным нарушением норм международного права?

– Вы не субъект международного права, капитан, а всего лишь офицер спецслужбы и должны действовать в рамках наших законов. Если в стране законодательно разрешено находить и уничтожать врагов за рубежом, то мы должны принимать подобные акты как правовую норму, – возразил Караев, – если вы получите конкретный приказ на ликвидацию чужого агента в другой стране, вы обязаны его выполнить. Моральные сомнения оставьте для правозащитников и болтливых интеллектуалов, которые не могут уяснить специфику нашей работы. Если ликвидация конкретного противника может помочь вашей стране, разве вы будете колебаться?

– Наверное, нет, – ответил Сапронов, – но я понимаю, что все может измениться, как это часто бывало в нашей стране. И я могу вернуться домой не героем, а преступником.

Караев усмехнулся. Этот молодой офицер умел нестандартно мыслить. И он был прав. Столько раз мы опрокидывали собственную историю, вспомнил Караев. Реабилитировали белое движение, попутно замарав красных, победивших в той страшной гражданской войне. Зверства хватало с обеих сторон, но с начала девяностых про зверства колчаковцев или денкинцев уже не писали. Все вспоминали только зверства красных. Потом попутно реабилитировали и «зеленых», объявив их защитниками крестьянства и забыв про их нападения на продотряды. Которые тоже были не ангелами.

Потом вспомнили, что даже среди власовцев были благородные герои, воевавшие с тиранами, Сталиным, хотя во все времена предателей называли предателями и никак иначе. Потом написали, что не было подвигов Матросова, Гастелло, Космодемьянской. Подбросили чудовищную ложь, что войну выиграли, закидав фашистов горами трупов и поставив позади атакующих войск заграничные дивизии. Из советских маршалов и генералов, сумевших переиграть и победить самую лучшую армию в мире, разгромив обученных к победам по всей Европе немецких генералов, сделали неучей, жестоких негодяев и угодливых льстецов, которым нельзя было доверять даже роту солдат. Апофеозом массовой лжи стала версия о том, что Гитлер просто вынужден был нанести «превентивный удар», иначе Сталин напал бы на него первым. И вообще фашисты были просто вынуждены напасть на Советский Союз, который был настоящим воплощением вселенского Зла.

Затем оболгали последующую историю, заявив, что у Советского Союза никогда не было особых достижений. А выход в космос и первые спутники были лишь следствием ожесточенной борьбы с американцами за первенство в мире. И вся история большой страны в двадцатом веке была опрокинута назад с большим знаком минус. Страной руководила партия карьеристов и фанатиков, народ покорно выполнял навязываемые ему нелепые директивы, не было никаких достижений у страны, победившей в самой страшной войне и дважды отстраивающей свою державу. И вообще вся большая страна была лишь «тюрьмой народов». Тенденции начали меняться с начала двухтысячного года, но инерция отрицательного движения еще была слишком велика. И Караев понимал, что его молодые слушатели правы.

– В нашей работе может случиться всякое, – задумчиво сказал он, – вас могут подставить, обмануть, выдать, даже ликвидировать, если это необходимо для успешной операции. И мы должны четко осознавать, на какую рискованную стезю мы вступили. Никто и никогда не может дать нам гарантий. Мы все ходим по лезвию бритвы. Вот что я могу вам сказать, ребята. И каждый сам решает для себя, как ему поступать в том или ином случае.

– Каждый принимает на себя и ответственность за свой выбор, – негромко добавил Сапронов. Было не совсем понятно, с какой интонацией он это сказал. Утвердительно или вопросительной.

– В том числе и ответственность, – согласился Караев.

Три пары глаз смотрели на него. Он усмехнулся.

– Давайте закончим на сегодня, – предложил Караев, – иначе наша дискуссия может нас далеко завести.

МОСКВА. РОССИЯ. 17 ИЮНЯ 2006 ГОДА

Он приехал на встречу с Большаковым в точно установленное время. Иван Сергеевич не любил, когда опаздывали на встречу с ним, ссылаясь на автомобильные заторы, обычные московские пробки, спущенную шину или другие обстоятельства. Большаков справедливо полагал, что обязанность ответственного человека прибыть к месту встречи в точно назначенный срок является неременным условием дисциплины, нормой, не подлежащей пересмотру.

Руководитель Государственной технической комиссии находился в своем кабинете. Он встретил полковника Караева довольно дружелюбным взглядом. Если учесть, что этот человек отвечал за новейшие разработки в области защиты государственных учреждений от прослушивания, можно было предположить, насколько был защищен его кабинет от внимания посторонних лиц. Но Большаков, похоже, не доверял ни самому себе, ни даже своему учреждению. Он поздоровался с Караевым, пожал ему руку и предложил пройти следом за ним в одну из тех комнат, которые были оборудованы специальной дополнительной защитой резонансных скремблеров, практически полностью исключавших любое возможное прослушивание их разговора. Похожие комнаты оборудовались в зарубежных посольствах для работы зарубежных резидентур и шифровальщиков.

Большаков сел в удобное кресло и показал на другое кресло Караеву. Включил радиоприемник, стоявший на столике рядом с ними, и усмехнулся.

– Мы до сих пор считаем, что лучшая защита – это просто громкий звук радио или магнитофона, заглушающий наш разговор, – пояснил Иван Сергеевич, – я слышал о том, что суд над Карташовым закончился.

– Да. Он получил четырнадцать лет.

– Вы считаете, много?

– Не знаю. Я об этом не думал. Я считаю, что он получил по «заслугам», если иметь в виду его предательство. Раньше таких расстреливали, это я хорошо помню.

– Да, – кивнул Большаков, – и я всегда считал, что это правильно. Раньше была холодная война, которая по ожесточению, накалу страстей, масштабу и концентрации задействованных в ней сил была ничуть не менее массовой, чем Вторая мировая война. Фактически она шла по всему миру с переменным успехом. В конце семидесятых мы даже подозревали, что постепенно берем верх, после нефтяного кризиса, когда цены на нефть взлетели до небес.

– А потом они упали и с ней рухнула и советская экономика? – невесело продолжил Караев.

– Не совсем так. Мы провели доскональный анализ ситуации середины восьмидесятых. Это еще один миф, который был навязан нашей стране извне. Американцы не могли объяснить столь быстрой сдачи наших позиций и такого оглушительного обвала социалистической системы Восточной Европы. Поэтому был запущен миф о том, что советская экономика проиграла соревнование с капитализмом, надорвалась на гонке вооружений и отставала от американской на целую вечность.

На самом деле все это неправда. Мы были второй экономикой в мире, опережая даже западных немцев и японцев. Диспропорции были, безусловно, но они были не настолько катастрофическими. Очень неплохо развивалась экономика стран Варшавского договора. Особенно в ГДР, Чехословакии, Венгрии. Но как только мы начали сдавать позиции в Восточной Европе, все режимы тут же посыпались. Не из-за своих экономических показателей, а из-за того, что в этих странах просто отстранили от власти правящие партии, которые становились стержнем государственной системы в тех условиях. Что было потом, вы знаете. Мы сдали все, а потом развалили и собственную страну. Не из-за того, что Эстония развивалась лучше Туркмении или в Литве жили лучше, чем в Азербайджане. Это еще нужно посмотреть, где сейчас

лучше жить. И где больше доходы. В богатых ресурсами Туркмении и Азербайджане или в не имеющих почти ничего Эстонии и Литве, но это к слову... Мы все виноваты в том, что произошло. Все, без исключения. Мы проиграли третью мировую войну только потому, что сами сдали свои позиции. И свою страну. Наш бывший лидер поступил как советовал Оруэлл: «Лучший способ быстро закончить войну – это признать свое поражение».

Караев молчал.

– Вы слышали о таком летчике, как Беленко? – вдруг спросил Большаков.

– Конечно, слышал, – кивнул Караев, – был такой шумевший случай. Я был тогда молодым офицером. Ровно тридцать лет назад Виктор Беленко перелетел на своем новеньком самолете в Японию. Скандал был оглушительным.

– Я тогда работал на Дальнем Востоке, – сообщил Большаков, – Беленко служил в пятьсот тридцатом истребительном авиационном полку. Он взлетел с аэропорта «Соколовка», который находился примерно в двухстах километрах от Владивостока. И перелетел к японцам на своем двадцать пятом «МиГе». Моего руководителя сняли с работы, хотя он был менее всего виноват в том, что произошло. Японцы и американцы разобрали тогда наш новый самолет буквально по винтику. Беленко срочно вывезли в Америку, где его начали прятать по особой программе «защиты свидетелей». Его предательство нанесло очень большой удар по нашей обороне, пришлось менять всю систему «свой-чужой» на всех самолетах страны. Не говоря уже о том, что этот самолет был самым технически оснащенным на тот момент нашим истребителем.

Большаков помолчал и затем продолжил.

– Конечно, мы искали Беленко в Америке. Но американцы запустили дезинформацию, что он погиб в автомобильной катастрофе. И наши успокоились. Потом начались события начала девяностых и о Беленко, казалось, забыли. Но в девяносто седьмом он дал пространное интервью японской газете «Хоккайдо симбун». Знаете, что заявил этот предатель? В девяносто пятом году он даже приезжал в Россию. Можете себе представить, что с нами было, когда мы об этом узнали. Вот такая громкая пощечина нам всем.

Он снова замолчал. Караев терпеливо ждал, не понимая, почему Большаков вспомнил о Беленко.

– Мы его все равно найдем, – негромко, но уверенно сказал Большаков, – найдем и накажем. А вам я рассказал эту историю только потому, что вы о ней наверняка слышали. Но таких историй было несколько...

– Не сомневаюсь, – кивнул Караев. – Вы хотите, чтобы я занялся этим делом?

– Нет. Это не ваш профиль, полковник. Им будут заниматься совсем другие люди. Я позвал вас совсем по другому делу. В восемьдесят четвертом году, когда наши отношения с Америкой накалились буквально до предела и Рейган объявил нас «империей зла», к западным немцам ушел майор Йозас Минкявичус, сотрудник нашей резидентуры в Германии. Он работал на связи нашей разведки с восточными немцами. Можете себе представить, скольких он выдал?

Большаков тяжело вздохнул и продолжил:

– Один застрелился, двоим дали по двадцать лет тюрьмы. Нескольких обменяли на западных агентов. Тогда Минкявичус был заочно судим и приговорен советским судом к расстрелу. – Большаков нахмурился. Затем отрывисто сказал: – Тот, кто застрелился, был моим личным другом. Чтобы не подставлять свою семью – жену и троих детей, живущих в Западной Германии, он принял такое решение. Они до сих пор живут там. Минкявичус прятался на Западе до девяносто первого года, а после того как Литва стала самостоятельным государством, объявился сначала в Германии, затем в Польше. В девяносто четвертом он приехал впервые в Литву, затем еще несколько раз. В настоящее время он уже восемь лет как живет во Флоренции. Открыл небольшой магазин, торгует антиквариатом. Он всегда был в душе торгашом, а не разведчиком.

Караев подумал, что подобных совпадений не бывает. Он услышал название города, в котором жил Минкявичус, и понял, что его выбрали не случайно.

– Я думаю, что вы уже все правильно поняли, – продолжал Большаков, – Минкявичус живет во Флоренции и находится под негласным контролем итальянских спецслужб. Мы не можем послать туда никого из наших людей. Во Флоренции чужой человек сразу обратит на себя внимание. Но у нас есть женщина, которая была с ним лично знакома, когда проживала во Флоренции и ее супруг работал консультантом в галерее Уффици. Вы догадываетесь, о ком я говорю?

– Откуда вы узнали, что Элина с ним знакома? – мрачно спросил Караев.

Большаков протянул руку и взял со стола, находившегося справа от него, пачку фотографий. На них была Элина с мужем. Среди друзей, окружавших эту семейную пару, был и Минкявичус, обведенный красным кружком. Караев просмотрел фотографии и, не сказав ни слова, вернул их Большакову. Тот бросил фотографии на столик.

– Убедились.

– Что она должна сделать? – поинтересовался Караев.

– Не она, а вы. Просто выехать во Флоренцию на недельный отдых. Или двухнедельный. Мы оплатим поездку первым классом и хороший отель. Ваша задача – войти в доверие к Минкявичусу, завязать с ним дружеские отношения.

– И все?

– Для начал все. Потом посмотрим. Вы же понимаете, что ваша подруга – идеальный кандидат, с помощью которого можно завязать знакомство с интересующей нас личностью. Они давно знакомы с Минкявичусом, и ее появление во Флоренции не вызовет у него подозрения.

– А как она объяснит появление нового мужчины рядом с ней? Или вы меня выдадите за ее брата? А может, лучше сына, – не выдержав, сорвался Тимур Караев.

Большаков строго посмотрел на него. Покачал головой.

– Не нужно так нервничать. Дело в том, что Минкявичус знал о сложных отношениях Элины с мужем. Одно время он даже пытался за ней ухаживать, правда безуспешно. Поэтому ваше появление вызовет у него скорее удивление и ревность, чем подозрение и страх. Он даже не подозревает, что мы будем искать его через двадцать четыре года. К тому же он уже возвращался несколько раз в Литву, приезжал в Калининград и даже совершил однодневную поездку в Санкт-Петербург. Надеюсь, что эти «вояжи» убедили его в полной безопасности. И теперь мы должны продумать нашу операцию.

– Можно только два вопроса?

– Разумеется. Я вас слушаю...

– Вы заранее планировали мою поездку с Элиной, когда предлагали мне сотрудничать в вашей организации, или тема Элины возникла недавно и совсем случайно?

– Я не обязан перед вами отчитываться. Но могу вас заверить, что мы ничего не знали. И только случайно, несколько дней назад, нам стало известно о том, что Элина Георгиевна знакома с этим предателем. Мы проверяем наших сотрудников и их близких. Проверяем не только до того, как берем их к себе, но и потом. Всегда. Никто не может чувствовать себя застрахованным от подобных проверок. Частых проверок, полковник, чтобы исключить любой прокол в нашей организации. Любую возможную неприятность. О ваших отношениях с Элиной Георгиевной мы знали. Вы их и не скрывали. Случайно мы узнали, что она знакома с Минкявичусом. И тогда мы решили предложить вам такую поездку. У вас ведь еще не было медового месяца? Вот и поезжайте в Италию. Прекрасная страна, запоминающийся отдых.

– И попутно я подставляю свою будущую жену под наблюдение итальянских спецслужб? А если ее арестуют?

– Не говорите глупостей, полковник. Мы же не предлагаем вашей будущей супруге участвовать в похищении или убийстве предателя. Только возобновить прежние контакты – вот

и все. Остальное мы сделаем сами. Нам нужно выйти на Минкявичуса, установить распорядок его дня, уточнить, как именно его охраняют. Или не охраняют вообще. И тогда принять конкретное решение. Разумеется, ваша безопасность и ваше алиби будут обеспечены самым надежным образом.

– Мне нужно рассказать об этом Элине?

– Не думаю, что это правильно. Зачем беспокоить ее этими глупостями. Иначе ее поведение может стать непредсказуемо сложным. Вы же меня прекрасно понимаете. Достаточно, если вы поедете туда просто отдохнуть. И ей не обязательно говорить о том, где именно вы работаете. Но это вы сможете ей объяснить и без моих советов. Это был ваш второй вопрос?

– Нет. Это было уточнение наших позиций.

– Тогда задавайте ваш второй вопрос.

Караев чуть помедлил. Затем все-таки спросил.

– Если бы вам предложили вот такую поездку с вашей супругой, вы бы согласились?

– Нет, – ответил почти не раздумывая Большаков, – я бы не хотел попадать в подобную ситуацию. Но если однажды понадобится наша помощь... Я думаю, что мы согласимся. Моя супруга всегда и во всем меня поддерживала. Ради своей страны и ради моей работы... Я постарался ответить на ваш вопрос предельно честно, Караев. И вы тоже можете отказаться. Это ваше право, полковник. И право вашей женщины, которую мы не можем подвергать даже малейшему риску без ее согласия.

– Вы же знаете, что я не откажусь.

– Именно поэтому я и пригласил вас для разговора. Я прекрасно все понимаю. И мы постараемся сделать все, чтобы оградить вас обоих даже от тени подозрений. Но это как раз тот случай, когда вы вместе с вашей знакомой можете нам серьезно помочь. Вы же знаете, что мы уже давно готовим наши операции по всему миру. Если хотите, период отступлений закончился. Поднимается новый «Восточный ветер». И мы собираемся восстанавливать свои позиции повсюду в мире. Везде, где это возможно.

– Что вам даст убийство Минкявичуса?

– Это не убийство. Не нужно так патетически. Это всего лишь приведение в исполнение приговора, вынесенного судом. Справедливого и объективного приговора, основанного на наших правовых нормах. Самое важное, что все остальные будут знать, что мы ничего не забываем. Даже спустя четверть века, даже если уже не существует страны, которую он предал, и спецслужбы, в которой он служил. Даже если не существует и другой страны, с которой он сотрудничал, и другой спецслужбы, которая была объявлена «вне закона». В данном случае я говорю о «Штази».

– «Восточный ветер», – негромко повторил Караев, – не бойтесь, что он вызовет бурю?

– Не боимся. Четвертая мировая уже началась. И пока не мы в ней основные игроки. Победители нашли себе нового врага. И похоже, эта война будет длиться с не меньшим размахом и ожесточением. Две цивилизации друг против друга. Западная против азиатской. Евро-атлантическая против мусульманской. И хотя перевес сил кажется очевидным, еще никто не знает, чем закончится это противостояние. А наша задача – заявить о себе как о самостоятельном «игроке» в этом раскладе. И начать возвращать свои позиции в мире. Не забывайте, что кроме нас есть и еще один крупный «игрок», который пока выжидает. А когда он вступит в войну, борьба может стать просто непредсказуемой. Я говорю о Китае. Мы обречены на столетия войны, полковник. И «одиночество» нам в данном случае не грозит. К сожалению, никто в мире не сможет изменить этого непреложного факта. Такова наша геополитическая реальность. Когда вы можете вылететь в Италию?

– А когда нужно? – несколько меланхолично спросил Караев.

– Достойный ответ, – кивнул Большаков, – я думаю, на следующей неделе. А пока мы обговорим некоторые детали...

МОСКВА. РОССИЯ. 18 ИЮНЯ 2006 ГОДА

В воскресенье, когда на улицах города бывает гораздо меньше машин, чем обычно, один из дежурных автомобилей Государственной комиссии подъехал к незнакомому дому и остановился. Вышедший из него Большаков оглянулся по сторонам и, пройдя за дом, вышел в соседний дворик. По своему статусу и положению, он не имел права ходить по городу без охраны, но ему следовало только пересечь двор, чтобы оказаться у знакомого подъезда, набрать код входной двери и, поднявшись по лестнице, оказаться в квартире, которую они использовали для своих встреч.

Большаков не стал звонить в дверь. Он достал ключи и, стараясь не шуметь, открыл замок. Затем вошел в квартиру, мягко захлопнув за собой дверь. Он увидел горящий свет и понял, что его уже ждут. Свет горел в комнате, не имевшей окон и находившейся в центре квартиры, оборудованной особой защитой от возможного прослушивания. Большаков прошел в комнату и поздоровался с человеком, который сидел за столом и читал газету. У незнакомца были свои ключи от квартиры. На вид ему было лет сорок. Острые черты лица, внимательный взгляд. Этот человек был достаточно хорошо известен в стране и в мире, его считали одним из самых влиятельных людей в структурах государственной власти. Между собой все остальные называли его Мистер С.

– Добрый вечер, Иван Сергеевич, – кивнул неизвестный, – вы как всегда точны.

– Не люблю опаздывать, – кивнул Большаков, – старая привычка. И требую подобного у своих подчиненных. Но когда опаздывают, я понимаю, что они не всегда виноваты. В нашем городе не все можно заранее рассчитать.

– Вы правы, – улыбнулся его собеседник, – вы знаете, что исполнительный директор ЦРУ Морелли встретился с нашим резидентом в Вашингтоне? И потребовал прекратить убийства бывших советских агентов, которые происходили на территории США?

– Мне сообщили об этом, – мрачно кивнул Большаков, – рано или поздно они все равно бы узнали о наших акциях, связав их воедино.

– Насколько мне известно, вас постигла неудача в Сан-Франциско, когда провалились сразу двое ваших людей.

– Это не неудача, – твердо возразил Иван Сергеевич, – наших людей ждала засада. Подобное может случиться где угодно и когда угодно. Но наши повели себя героически. Один погиб, другой застрелился. Американцы в любом случае ничего не получили. Поэтому и разозлились, решив устроить такую встречу Морелли с резидентом нашей разведки в США.

– Но вам придется временно приостановить ваши акции в Соединенных Штатах, – мягко заметил Мистер С, – вы ведь понимаете, что мы не можем так рисковать накануне Большого саммита, который состоится в Санкт-Петербурге в июле этого года. Учтите, что Россия впервые будет председательствовать в «Большой восьмерке». Уже сейчас раздаются голоса, что президент Буш обязан бойкотировать этот саммит. Нельзя давать повода американцам для срыва саммита. Ни в коем случае.

– Мы всегда работали на защиту интересов нашего государства, – напомнил Большаков, – а не наоборот.

– Мы об этом знаем, генерал. Но я хотел вам напомнить. Значит, мы договорились? Вы приостановите все свои акции в Соединенных Штатах.

– Все, кроме двух.

– Я не совсем вас понимаю, – голос собеседника стал гораздо жестче, – что значит «кроме двух»?

– Наши люди погибли из-за Эдуарда Скобелева. Перебежчика и предателя, который бежал к американцам. Настоящее имя этого человека Антон Сколев. По нашим данным, скоро он появится в Испании. Мы не можем оставить его в живых после всего, что случилось.

– Его не охраняют?

– Наверняка будут охранять. Американцы и испанцы. Но формально он будет находиться на территории Испании, жить на своей вилле. Мы обязаны его достать.

– Опять? Мы же договорились.

– Извините меня, но это как раз тот самый случай, когда мы обязаны действовать. Если мы сейчас оставим его в покое, все поймут, что возможная ликвидация Сколева-Скобелева была связана с нашими спецслужбами. Так или иначе, они свяжут попытку его ликвидации с нашей страной. Ведь мы не пытаемся его убрать в преддверии Большого саммита, взяв своеобразный «тайм-аут». Но если мы его уберем именно сейчас, то американцы всерьез задумаются над этим. Ведь согласно любой логике, мы должны сидеть спокойно до окончания саммита. Именно этого ждут от нас наши партнеры-соперники. И это будет явным подтверждением нашей вины. Или нашего соучастия в попытках устранения Сколева. Только проведенная акция до саммита дает почти абсолютную уверенность, что наша страна и ее спецслужбы не имеют к устранению Сколева никакого отношения и это частное дело неизвестной организации. Так считают наши аналитики.

– Слишком сложно для обычного человека. Но возможно, вы правы, – вдруг улыбнулся Мистер С, – не мне решать за ваших аналитиков. Чтобы не выдавать себя, мы должны решиться на показательную акцию. То есть продемонстрировать вашу полную независимость от государства. Очень интересная мысль.

– В данном случае так будет более правильно, чем замолчать до саммита. Наше бездействие подтвердит нашу вину. Вполне вероятно, что это своеобразная проверка со стороны американцев. Если мы пойдем у них на поводу и не предпримем никаких акций, то этим только докажем свою причастность ко всем последним событиям.

– Возможны, вы правы, – Мистер С был достаточно умным человеком и мгновенно оценил перспективы успеха подобного предприятия. – Но в любом случае, вы не имеете права на неудачу. И никаких скандалов. Об этом никто не должен узнать.

– Разумеется. Мы пошлем туда нашего лучшего специалиста.

– А второй случай?

– Он вообще не имеет никакого отношения к американцам. Мы сумели вычислить человека, который перешел к западным немцам еще в восемьдесят четвертом году. Мы искали его довольно долго. Он литовец и в настоящее время проживает в Италии.

– Прибалт? – оживился его собеседник. – Очень интересно.

– Да, он литовец. Бывший советский гражданин и бывший сотрудник КГБ СССР. Был приговорен советским судом к расстрелу за предательство. Учитывая наши сложные отношения с прибалтами, мы считали возможным провести эту показательную акцию ликвидации. Будет уроком для других.

– С прибалтийскими государствами у нас безобразные отношения, – напомнил гость, – надеюсь, и здесь срывов не будет.

– Мы тщательно готовим операцию.

– Он гражданин Литвы?

– Нет. Гражданин Германии. Получил гражданство в обмен на предательство. Но проживает в Италии. Он работал на контактах со «Штази» и сдал тогда несколько их агентов.

– Очень неплохо. Немцы не станут поднимать шума из-за бывшего предателя, к тому же работавшего со «Штази». Даже если он их гражданин. Очень неплохо, генерал. Действуйте. Я думаю, что ваши аналитики все просчитали правильно.

– Спасибо. У меня все.

– А у меня нет, – вдруг улыбнулся гость, – хочу вас официально поздравить. Об этом пока никто не знает, и я первый, кто сообщает вам эту новость, уважаемый Иван Сергеевич.

Большаков удивленно взглянул на своего собеседника. Обычно тот не называл его по имени-отчеству.

– Указом Президента страны вам присвоено воинское звание «Генерал армии», – сообщил гость, – завтра указ будет опубликован. Я вас поздравляю.

– Спасибо, – немного растерянно произнес Большаков.

Гость поднялся, чтобы пожать руку генералу. Большаков сразу вскочил и, прежде чем протянуть руку, отрапортовал.

– Служу Отечеству, – сказал он.

– Да, – согласился Мистер С, – и не забывайте об этом никогда, генерал. Вы служите своему Отечеству в первую очередь. А все остальное не так важно. Ни наши амбиции, ни наши потери, ни наши тайны. Все в конечном счете не так важно.

Большаков ехал домой в хорошем настроении. Он получил санкции на проведение обоих спецмероприятий. О присвоении ему очередного звания он вспомнил только тогда, когда вышел из своего автомобиля. Он не был амбициозным карьеристом, но четвертая генеральская звезда приятно щекотала его самолюбие. И он подумал, что самое сложное будет не проговориться сегодня вечером, не сообщить об этом жене. Впрочем, она может почувствовать его настроение. Она всегда чувствует малейшие перемены в его настроении. Нужно будет рассказать ей обо всем. В конце концов, завтра об этом можно будет сказать официально. Хотя он точно знал, что оглашения указа не будет, а о присвоении ему очередного звания узнают только несколько человек, отвечающих за подготовку этого документа. Но ему все равно было приятно, что там смогли по-достоинству оценить его многолетний труд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.